

Орб 84
ПЗ4

~~Р-401~~ ор 84

ПЗ4

В. ПИСТОЛЕНКО

ПАМЯТНОЕ ЛЕТО СЕРЕЖКИ ЗОТОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Оре 84
ПЗ4

В. ПИСТОЛЕНКО

ПАМЯТНОЕ ЛЕТО СЕРЕЖКИ ЗОТОВА

ПОВЕСТЬ

ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1977

018762

P2
П34

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОРАБОТАННОЕ

Художник Л. Бирюков

Пистоленко В. И.

П34   Памятное лето Сережки Зотова. Повесть. Издание второе, доработанное. Рис. Л. Бирюкова. М., «Дет. лит.», 1977.

224 с. с ил.

Повесть о том, как богомольцы завладели душой мальчика, потерявшего родителей, и как товарищи вели борьбу за его освобождение.

П $\frac{70803-061}{M101(03)77}$ 38p-77

P2

Пистоленко Владимир Иванович

Памятное лето Сережки Зотова

Посвящаю внучке Тане

Автор

БУДЕМ ЗНАКОМЫ

Сквозь открытое окно солнечный луч проник в комнату, забрался на небольшую деревянную кровать и пополз по лицу Сергея. Дойдя до носа, он на мгновение задержался и затем, словно вдруг решившись, начал озорно щекотать нос спавшего мальчика. А Сергею снилось, будто он играет с Шариком. Шарик встал на задние лапы и шершавым языком старательно облизывает другу лицо. Сергей пытается оттолкнуть рыжего, увернуться, ему щекотно, он смеется и чихает...

Мальчик сел на постели, поджав под себя ноги, оглянулся — Шарика нет. Куда спрятался?

Спрыгнув на пол, Сергей осмотрел все углы комнаты. Собаки нигде не было.

Дверь из сеней открылась, и, согнувшись, чтобы лбом не стукнуться о косяк, в комнату вошел широкоплечий, громадного роста человек. Это был отец Сергея — Николай Михайлович Зотов. Голубая майка плотно обтягивала его могучую грудь. Серые брюки старательно отутюжены. Чисто выбритое лицо улыбалось. Голубые глаза под черными, немного лохматыми бровями блестели весело.

— Встал?

— Ага...

— Ты что, сын, вроде какой-то задумчивый?

— Шарика ищу. Был, а нет.

— Так он же во дворе. И все время со мной. Я там ворота взялся чинить...

Отец распахнул дверь и, чуть подавшись вперед, крикнул густым, могучим басом:

— Ша-рик!

Сергей даже опомниться не успел, как, прошмыгнув между ног Николая Михайловича, в комнату влетел, словно небольшой огненный шар, рыжий пес. Он был так доволен приглашением, что слегка повизгивал от восторга и, не зная, как выразить свою беспредельную радость, бешено носился по комнате. А Николай Михайлович и Сергей молча смотрели на него и довольно усмехались.

— Так где был Шарик?

Сергей смущенно пожал плечами.

— Ты его, должно быть, во сне видел.

— Правильно, — обрадовался Сергей. — Конечно, во сне!

А Шарик в это время подпрыгнул, перевернулся в воздухе и плюхнулся у ног Сергея, подняв кверху все четыре лапы. Он, видимо, устал и, широко раскрыв рот, часто-часто дышал. Он даже зажмурил глаза, будто ни на кого и ни на что не обращает внимания. Но едва Сергей шевельнул рукой, чтобы погладить его, как рыжий комок снова взвился и еще быстрее закружил по комнате. Сергей за ним. Беготня закончилась тем, что Шарик остановился, поднялся на задние лапы и, довольный, помахивая коротким хвостом, заковылял к своему хозяину. Когда же Сергей подбежал к нему и, прижавшись, начал гладить, Шарик проделал все то, что несколько минут назад Сергей видел во сне.

— Не давай лизать себя! — прикрикнул отец.

— Не лижись, — строго сказал Сергей и слегка отстранился от пса.

Тот догадался, что им недовольны, и с беспокойством взглянул сначала на младшего, потом на старшего хозяина.

— Да ты не бойся, дурень, — добродушно пробубнил Николай Михайлович, — ты же

хороший пес. И мы с Сережкой тебя очень любим. Только не надо лизать его. Вот и всё.

Шарик напряженно слушал, будто хотел понять и запомнить каждое слово, а когда старший хозяин наклонился и потрепал его по спине, изловчился и, желая доказать, как хорошо все усвоил, ловко лизнул ему губы.

Сергей ликовал. Николай Михайлович тоже посмеивался и добродушно отчитывал опять развеселившегося пса.

У Зотовых Шарик жил недавно, с минувшей зимы. И достался он им случайно.

Дело было в декабре. Однажды в выходной, вечером, отец и сын пошли немного прогуляться. На дворе уже стемнело. Мела небольшая поземка, и под ногами похрустывал свежий снежок. В такую погоду только и гулять.

Дорогой им послышалось, будто где-то неподалеку скулит собака.

— Это она плачет? — поинтересовался Сергей.

— Видно, хозяина, зовет, — предположил отец.

Гуляли долго. Дошли почти до станции. О собаке забыли. Но на обратном пути снова слышали ее. Теперь она уже не скулила, а протяжно и тоскливо выла.

— Пап, слышишь, опять хозяина зовет.

— Да вот... зовет... — как-то неопределенно сказал отец.

Остановились, прислушались. Вой доносился откуда-то со стороны реки.

— Может, пойдём узнаем? — предложил отец.

— Пойдем, — охотно согласился Сергей.

Они свернули в переулочек и двинулись на собачий вой. На пустыре неподалеку от реки нашли собаку. Она была привязана к телеграфному столбу и стояла на небольшом пятнышке, видимо ею же утоптанном, среди свежего сугроба.

Увидев людей, собака перестала выть.

— Кто же это привел тебя сюда на погибель? — с сочувствием сказал Николай Михайлович. — Да еще привязал... — недовольно добавил он. — Ты бы, глупая, перекусила веревку, и все. Или, может, кусать нечем, зубы от старости повыпали?

— Пап, давай отвяжем, — попросил Сергей.

— Ну что ж, можно попытаться, — согласился отец и стал осторожно по сыпучему снегу подбираться к собаке.

Сначала казалось, что собака покорно следит за приближающимся человеком, но, когда он очутился совсем рядом, она оскалилась и зарычала. Правда, тихо и беззлобно, скорее, не для угрозы, а ради порядка.

— Успокойся, глупая, — ласково заговорил Николай Михайлович, — мы же тебе ничего плохого не сделаем. Наоборот, хотим выручить. Тебя здесь и волк может сожрать, да и замерзнуть не мудрено. Ночью, похоже, метель разгуляется...

Он подобрался к самому столбу, снял варежки и стал отвязывать веревку. Оказалось, что это не веревка, а провод. Потому-то собака и не могла перекусить его.

Распутав узел, отец отпустил один конец, а другой потянул к себе. Провод не был привязан, а только продет в кольцо ошейника и свободно выдернулся оттуда. Очутившись на воле, собака бросилась бежать прочь.

— Видел, как припустила? — добродушно рассмеялся отец. — Каждое живое существо, брат, свободу любит.

Они немного постояли, пока освобожденная пленница не скрылась в переулочке.

— Пап, а зачем ее тут привязали? — поинтересовался Сергей.

— Вот и я об этом думаю. — Николай Михайлович помолчал, затем сердито добавил: — Взять бы того, кто привязал, да самого к столбу на часок. Чтоб знал, как издеваться над животным.

— Пап, она домой побежала? — не унимался Сергей.

— Куда же еще? Только там ее, пожалуй, не очень-то ждут.

— Почему? — недоумевал Сергей.

— Уж если привязали здесь, то, значит, не очень нужна. Гляди возьмут да снова сюда

приволокнут, и тогда бедняге ночью конец. Ну ладно, хватит разглагольствовать, двинулись. А то мама небось заждалась ужинать.

Отец взял Сергея за руку, и они торопливо зашагали домой. Ненароком оглянувшись, мальчик остановился словно вкопанный и потянул отца за рукав.

— Пап, гляди!.. Гляди!..

Приотстав всего лишь на несколько шагов, слегка прихрамывая, следом за ними шла собака. Хотя на дворе уже были сумерки, Сергей сразу же узнал ее.

— Это она, да, пап, да? — обрадовался Сергей.

— Верно, наша знакомая, — подтвердил Николай Михайлович.

Остановились. Собака тоже встала. Николай Михайлович негромко присвистнул. Она подошла чуть поближе.

— Да ты, оказывается, хромаешь.

— Пап, давай возьмем ее к нам, — стал упрашивать Сергей.

— Как бы мама не заругалась. Ну, да будь что будет. Двинулись, пес, мы тебя не обидим.

Собака пошла за ними, пошла все так же нерешительно, останавливаясь на каждом шагу.

Гостью почти втокнули в комнату. Поджав хвост и боязливо озираясь, она села у самого порога. Ее била частая и сильная дрожь.

Увидев незнакомку, мать всплеснула руками:

— Откуда чудо такое?

— Да вот, понимаешь, наша с Сережкой находка.

И отец подробно рассказал о собаке. Мать не стала их ругать, а только спросила, не больная ли она или вообще, может, какая-нибудь ненормальная. Не зря же хозяева решили избавиться. Видно, за ней все-таки что-нибудь плохое водится.

— А я думаю, тут причина в старости, — возразил отец. — Есть такие скверные люди, держат животину, пока она помоложе, а чуть состарилась — со двора долой. Разве не бывает так?

Мать ничего не ответила, только вздохнула и вышла на кухню. Вскоре она вернулась с чашкой в руках.

— Ну-ка, похлебай тепленького, а то все еще дрожишь.

Отец хитровато подмигнул Сергею: мол, все в порядке...

Собака с жадностью накинулась на еду, то и дело пугливо посматривая на новых хозяев. Вылакав все и чисто вылизав чашку, она вдруг осмелела и, прыгая на трех ногах, выбралась на середину комнаты. Здесь, на свету, гостью можно было хорошо рассмотреть со всех сторон.

Собака оказалась невысокой, приземистой, ярко-рыжей масти. Шерсть на ней лежала гладко и даже блестела. Уши небольшие, очень подвижные. Они то становились торчком, то вяло обвисали. Под темным пятчком носа два редких пучка черных длинных щетинок. Усы. Грудь широкая. Передние лапы-коротышки вверху далеко поставлены одна от другой, а внизу почти касаются друг друга, причем ступня каждой вывернута наружу. Хвост прямой, короткий, словно его кто-то обрубил.

— Ну и уродина! — всплеснув руками, добродушно рассмеялась мать. Нечего сказать, раздобыли красавца!

— Ты напрасно так, Надя, — запротестовал отец. — Это — порода! Чистокровная такса!

— Тоже мне породу нашел! Да у нее ноги — будто кто-то нарочно повыкручивал, — поддразнила мать.

— Вот, вот. Значит, заметила? В том-то и дело, что все признаки налицо. Такса!

Сергей был бесконечно счастлив, ведь только подумать: он мечтал о самом обыкновенном щенке, а тут вдруг в их доме появилась такая редкостная собака! Такса! Само слово-то какое интересное.

— Давайте назовем собачку Шариком, — предложил он.

— А ему даже подходит такая кличка. Смотрите, он вроде и не ходит, а катится по полу, — сказала мать.

— Шарик, Шарик, Шарик, — ласково заговорил Сергей и, подойдя к собаке, начал гладить ее.

— Укусит! — с беспокойством предупредила мать.

Но пес не кусал. Сначала он немного насторожился, но поняв, что его ласкают, опустил уши, миролюбиво закрыл глаза и чуть подал вперед голову, навстречу Сережкиной ладони.

Оказалось, что Шарик совсем еще молодой пес, и к тому же с веселым характером.

Сергей и Шарик стали неразлучными друзьями.

Но однажды чуть было не случилась беда и этой дружбе не пришел конец.

Спустя месяц после того, как у Зотовых появился Шарик, Сергей с отцом пошли в магазин. За ними увязался никогда не отстававший от Сергея пес.

Они закупили все, что наказывала мать, и неторопливо двинулись в обратный путь. Чтобы попасть на свою улицу, им нужно было пересечь площадь, которая называлась Деевской, в честь первого здешнего коммуниста товарища Деева, убитого во время гражданской войны белоказаками. Дорога пролегла посередине площади и разрезала ее на две равные части. На одной рос молодой сад, года три назад посаженный комсомольцами вокруг памятника товарищу Дееву, на другой, за кирпичной оградой, словно вросшей в землю, среди могучих раскидистых дубов ютилась старинная, давно уже пустующая деревянная церковь. Неподалеку от ворот с наружной стороны ограды стоял небольшой каменный домишко, по виду такой же древний, как и церковь.

Едва наши спутники миновали этот дом, как на его крылечке появился седобородый старик в поношенном овчинном тулупе, лисьей шапке-ушанке и серых валенках с галошами.

— Эй, погодите! — закричал он хрипловатым голосом.

Но ни Сергей, ни Николай Михайлович не слышали и, не оборачиваясь, продолжали свой путь. Тогда старик вложил в рот два пальца и пронзительно свистнул. Теперь его заметили. Он стал махать руками и заспешил по дороге.

— Это кто, пап?

— Не знаю, — всматриваясь в незнакомца, ответил отец.

А старик уже подходил к ним.

Присевший у ног Сергея Шарик вдруг заволновался. Затем взвизгнул, бросился к старику и запрыгал вокруг него.

— Узнал, Рыжик, — просипел тот. — Эх ты, бродяга. Я уж думал, что тебя и на свете нет. — И, обращаясь к Николаю Михайловичу, сказал: — Это моя собака. Вы где ее взяли?

— А там, где вы ее привязали, можно сказать, на смерть обрекли, ответил Николай Михайлович.

— Каюсь, — загнусавил старик, — было такое. Я, понимаешь, пошел к одним людям в гости да и заночевал там. И Рыжик со мною. На ночь его в сарайчике закрыли. Там у них и куры живут. Утром кинулись — три курицы загрызены. Ну и переполох, конечно. Стали судить да рядить. Кто мог? Конечно, он. Больше некому. Я и взъярился. Ну, разве это собака, если от нее урон? Кому она такая нужна? Вгорячах стал учить его, а он мне в ногу вцепился. Я, значит, взял веревку и того... Отвел.

— Не веревку, — поправил Николай Михайлович, — а провод.

— Чтоб не перегрыз. Только все оказалось напрасно. На другое утро прибежала та женщина, где я гостил, и сообщила: опять у нее обнаружили задушенные куры. Стали присматриваться — лаз нашли. Оказывается, хорь повадился. А Рыжик совсем тут ни при чем. Поняли? Я кинулся искать его, да где там — никаких следов.

Пока старик рассказывал, Шарик отошел от него и лег у ног Сергея.

— Так что, граждане, собачку я убедительно прошу вернуть. По принадлежности. Рыжик! Рыжик!

Шарик завозился на месте, но к старику не пошел.

— Лучше не зовите, собаку я не отдам, — решительно заявил Николай Михайлович. — А если по правде сказать, то за такую варварскую жестокость надо бы вам совсем запретить держать животных. А еще старый человек. Разве можно так издеваться над живым существом?.. И как только совесть позволила!

— Да я уж и сам... Понимаю, малость погорячился. — Зная, что неправ, старик, видимо, не хотел заводить ссору и решил закончить дело мирным путем. — А песика-то я все-таки заберу. Есть советские законы насчет собственности. И тут уж никуда не денешься.

— Да он сам к вам не хочет идти.

— Собака — она тварь бессловесная, какой с нее спрос. Пойдет, только бы позвал. А пес мне вот как нужен. Я при этом саде имени товарища Деева сторожем состою. Сами понимаете, разный народ есть. Словом, что ни говори, с собачкой веселее.

— Давайте так решим, — прервал его Николай Михайлович, — за вами пойдет — берите, останется с нами — наша.

Старик заколебался.

— Или боитесь? — поддразнил Николай Михайлович. — Собака, конечно, тварь бессловесная, это вы верно сказали, но она тоже кое-что понимает. Ну как, согласны?

— Давайте, — согласился старик, задетый за живое. — Только чтоб ничем не подманивать. Разойдемся каждый в свою сторону и будем звать. Вот так.

— А веревку вы спрячьте, — предупредил Николай Михайлович, заметив выскользнувший из рукава тулупа старика конец веревки. — Пошли, Сережа.

Шарик, не задумываясь, двинулся за ними. Но в это время старик стал звать его:

— Рыжик! Рыжик! Иди сюда, Рыжик! На, на!

Пес метнулся было к старику, но тут его окликнул Сережкин отец. Собака в растерянности остановилась, с беспокойством поглядывая то в одну, то в другую сторону.

— Ну-ка, Сережка, беги и зови его.

Сергей сорвался с места и припустил по укатанной санями дороге. Он бежал, скользя и спотыкаясь, и кричал во весь голос:

— Шарик! Шарик!

Шарик взвизгнул и, не обращая больше внимания на зов старика, пустился за Сергеем.

— Ну? Вам все понятно? — насмешливо спросил Николай Михайлович. — Или еще будем спорить?

Старик что-то недовольно пробурчал и, зло сплюнув, направился к каменному домику у церковной ограды.

Вот и вся история о том, как Шарик попал к Зотовым.

О старике Сергей скоро забыл. И кто мог думать, что с этим хрипатым стариком ему еще придется встречаться и что в жизни Сергея он сыграет большую недобрую роль.

ЗАПРЕТНОЕ МЕСТО

— Надюша, хватит возиться, пошли скорее на Самарку, освежимся перед завтраком! — крикнул отец, приоткрыв дверь в кухню.

Мать Сергея легкой и быстрой походкой вошла в комнату. Она была в сером халатике, на спине ее, извиваясь в такт шагу, красовалась огромная русая коса.

— Я только платью другое накину, — сказала она, пробегая мимо, и скрылась в закутке за печкой.

Почти в то же мгновение она появилась вновь, но уже в легком ситцевом платье с белыми чашечками ландыша по голубому полю. Сергею очень нравилось это платье, в нем мать выглядела красивой-красивой и совсем молодой, ну как девчонка. Подбежав к зеркалу, она торопливо стала укладывать в виде короны свою длинную пушистую косу.

— Денек нынче, должно, будет жаркий, утро еще, а смотри, как припекает, — заметил отец. — Я сегодня в полдень, пожалуй, у обрыва искупаюсь. Там-то вода всегда холодная.

При этих словах мать круто повернулась и сурово взглянула на мужа.

— Что это ты, Николай, придумываешь? — сказала она, укоризненно покачивая головой. — Прямо как маленький. При мальчишке говоришь такие вещи. Может, хочешь, чтобы и он полез в омут?

— Как, Сережка, будем сегодня купаться у обрыва? — смеясь, спросил отец.

— Будем, — со всей готовностью ответил мальчик.

— Вот, пожалуйста, дошутился! — всплеснула руками мать. — Ты у меня смотри не вздумай ходить к обрыву, — строго обратилась она к Сергею. — Ни в коем случае. Омут — он затягивает, и сам не заметишь, как загремишь вниз. А там сом живет. Слышал про сома?

— Слышал, — охотно ответил Сергей.

— То-то, что слышал. Сом — он только и ждет, чтобы кого-нибудь схватить, чтобы кем-нибудь полакомиться. А зубы у него знаешь какие? Видел у отца гвозди? Купил ворота чинить.

— А как же, видел. Длинные такие.

— Вот они самые. Только зубы у сома поострее будут. Как иголки. Вонзятся — и конец.

Отец молчал, но Сергей по выражению лица видел, что он не очень-то верит страшному рассказу.

— Пап, а ты боишься его?

— Сом-то? — Отец немного помедлил с ответом. — Видишь ли, Сережка, в чем дело... Никакого сома там нету.

— Николай! — со слезами в голосе закричала мать. — Ну что же ты делаешь?!

— Не надо, Наденька, запугивать парня. Пускай растет настоящим человеком и обо всем знает правду. Чище и лучше правды ничего на земле нету.

Мать промолчала, сурово сдвинула брови и отвернулась. Значит, сильно рассердилась. Сергей знал это очень хорошо. Знал также и то, что будет дальше...

Вот отец подошел к ней и погладил по плечу, словно маленькую. А она и вправду рядом с ним, огромным, широкоплечим, казалась еще меньше, чем была на самом деле.

— Надюша, ну чего обиделась? — с ласковой укоризной сказал отец. — И что мне делать с вами, малышами? Чуть что — губы надули. Беда, да и только.

Он, как медведище, сгреб ее правой рукой, смеясь, приподнял и прижал к груди.

— Николай, пусти! Да пусти же! — слабо вырываясь и болтая ногами, все еще обиженным тоном говорила мать, но уже было видно, что она больше не сердится.

К реке было ближе идти через огород, ну, прямо рукой подать, но мать повела в обход.

— Пройдемся немножко по улице, — сказала она, направляясь к воротам.

— Можно, — согласился отец. По глазам жены он видел, что ей не хотелось проходить с Сергеем мимо злополучного обрыва.

Неподалеку на улице мальчишки гоняли футбольный мяч. Тут были почти все ребята постарше Сергея. Многих он не знал, с другими встречался на улице или во время купания на речке, а с одним из них, Володей, не так еще давно играл и даже дружил.

Володя был чуть поменьше Сергея, жил напротив через дорогу, родители его были колхозники. Фамилия у Володи — Селедцов, но мальчишки звали Селедкой, на что он не обижался. У Селедцовых играть было негде, и Володя целыми днями пропадал у Зотовых. Словом, они дружили. Затем поссорились. А произошло это так.

На огороде у Зотовых начали зацветать первые пионы. Сережкина мать не срезала еще ни одного цветка, но однажды во время вечерней поливки обнаружила на кустах обломанные стебли — значит, цветы были кем-то сорваны. Спросила Сергея — он не рвал и ничего не знал об этом. Мать забеспокоилась: выходит, на грядках хозяйничал кто-то посторонний? Неприятно... А ведь незваные гости могут наведаться еще и еще. Дело, конечно, не в том, что жаль сорванных цветков, — как бы налетчики не испортили кустов! За сорванные цветы тоже, конечно, обидно, ты стараешься, выращиваешь, а кто-то по-воровски забирается в огород и безобразничает. Надо будет почаще на огород наведываться.

— А я буду караулить, — вызвался Сергей. — Мы вместе с Шариком. А Володька

придет, играть на огороде станем.

— Играть играйте, а чтоб какие-то особые караулы устраивать — не надо. Нехорошо это.

Сергей согласился. Играть так играть. Он решил под старой ветлой построить шалаш, такой, как однажды строили с отцом на рыбалке. Сергей принес сухой травы, притащил со двора несколько палок — и шалаш готов. Володя все не приходил, и Сергей начал скучать. Ему хотелось, чтобы мальчишки еще налетели на огород. При нем. Вот тогда бы они с Шариком их припугнули!.. Но день прошел, а любители чужих цветов не появлялись. К вечеру Сергей совсем заскучал.

На другой день до обеда Сергей играл на старом месте, и опять все было спокойно. Его даже взяло сомнение: а что, если никто и не срывал пионов? Может, маме показалось? Он вышел из убежища, осмотрел знакомые кусты и снова увидел сломанные стебли... Нет, не показалось. Интересно, почему Володьки нет? И вчера не приходил, и сегодня тоже. Надо будет после обеда сбегать к Селедцовым.

Вдруг мирно похрапывавший Шарик приподнял голову и стал прислушиваться. Уши встали торчком, глаза беспокойно заметались из стороны в сторону. Затем пес сорвался с места и с громким лаем бросился в дальний угол огорода, к запасным воротам, выходящим на пустырь у берега реки.

Сергей припустил за ним. Он увидел на огороде четырех мальчишек, удиравших от Шарика, что-то закричал им, но мальчишки даже не оглянулись и выскользнули в полуоткрытые ворота. Трое из них были побольше и постарше, их Сергей не знал и никогда раньше не видел, а самого маленького узнал по красной тюбетейке. Такая была только у Селедцова.

Прибежав домой, Сергей торопливо рассказал матери о происшествии, но ни словом не обмолвился о Володе — а вдруг это не он? Лучше у самого спросить...

Селедцов не появлялся еще два дня. И когда на третий все же пришел, Сергей рассказал о случае с пионами, о набеге четырех мальчишек и спросил: вправду ли был с ними Володя?

Сначала Володя растерялся и начал отнекиваться, потом вдруг густо покраснел и, прыгая с ноги на ногу, тронулся домой. Сергей не ожидал такого оборота и, сам не зная зачем, припустил за ним; а Володя подумал, что Сергей гонится, чтобы толкнуть или ударить, схватил ком земли и запустил в преследователя. Сергей опешил от неожиданности, затем ответил ему тем же, да еще назвал вором... Само сорвалось с языка нехорошее слово.

Потом оказалось, что такие тюбетейки, как у Володи, недавно продавались в сельпо, их носили и другие мальчишки. Также стало известно и то, что у Володи болел живот и он несколько последних дней совсем не выходил из дому.

Сергей рассказал все отцу. Николай Михайлович сокрушенно покачал головой и посоветовал ему пойти извиниться перед Володей. Сергей охотно пошел, но извиняться ему не пришлось.

У Володи был брат Сашка, уже школьник. Узнав, из-за чего поссорились приятели, он обиделся за братишку и не велел водиться с Сергеем. Он даже пообещал при удобном случае поймать и отлупить Сергея, чтоб зря не обзывал честных людей. Но подходящего момента все не было. И вдруг Сашка увидел идущего к их воротам Сергея. Недолго думая Сашка пульнул в него комом земли и закричал:

— Эй ты, не ходи к нам больше, жадина!

Сергей остановился в нерешительном раздумье. А когда рядом упал и второй ком, он отбежал подальше и нараспев зачистил:

— Сашка — селедка, Володька — селедка! Сашка — селедка, Володька селедка!

Так они пока и не помирились.

У Сашки был футбольный мяч, правда, уже не новый, с заплатами, но зато настоящий, и когда Сашка появлялся с мячом на улице, его сразу же окружали мальчишки, любители поиграть в футбол.

Сашка считал себя капитаном команды — кого хотел, того и принимал в игру, и никто

из ребят никогда не возражал ему. Володе и Сергею тоже нередко перепало погонять мяч.

При виде футболистов Сергею и сейчас захотелось броситься к ним и хотя бы только один разок пнуть мяч.

— Я побегу, — попросился он у отца. — Может, ударю.

— Ну что ж, беги и догоняй нас.

А Сергею только этого и нужно. Он совсем забыл о своей ссоре с братьями Селедцовыми и во всю прыть помчался к футболистам.

Игра была в разгаре. Десятка полтора мальчишек, рьяно отнимая друг у друга мяч, пытались забить его в ворота, а вратарь — это был Сашка старался изо всех сил не пропустить его. Сергей подбежал к игрокам в тот момент, когда Сашка ловко поймал посланный кем-то мяч и сильным ударом вернул его на поле. Мяч полетел прямо к Сергею, и Сергей бросился, чтобы ударить, но тут перед ним появился Володя.

— А ну, не бей! — крикнул он. — Не твой футбол.

Сергей остановился.

Он немного постоял в сторонке и, когда отец с матерью подошли ближе, вернулся к ним.

— Что, не принимают? — спросил отец.

— А я и не хочу, — хмуро ответил Сергей.

— Вот и неправда, — возразил Николай Михайлович. — В футбол играть ты любишь, уж я-то знаю.

— Любит, любит, — подтвердила мать. — Когда Володя ходил к нам, они резиновый мячик всё по двору гоняли.

— Послушай, Сережка, это, между прочим, плохо, что тебя не принимают и ты все один. Человеку невозможно без людей. Одного, брат, и куры заклюют. Так что ты давай заводи товарищей. С Володей надо помириться. Обязательно!

— Мы с Шариком играем, — стараясь сдержать наворачившиеся слезы обиды, ответил Сергей.

— Шарик — собака. Человека не заменит.

Заметив, что мальчику и без того горько, Николай Михайлович переменял разговор:

— Ну, а мамке помогаешь? На огороде или еще что?

— Дел у него хватает, — пришла на выручку мать.

Она любовно пригладила вздыбившийся на макушке сына вихор.

— Он и пол в избе подметает, и цыплят караулит, чтоб коршун не похватал. Да мало ли что. На работу падкий.

— Вот за это, сын, молодец. Работа человеку радость приносит, похвалил отец и своей огромной ручищей ласково пригреб его к себе.

Мать глянула на них и не смогла скрыть довольной улыбки.

— Ты чего смеешься? — спросил отец.

— Больно похожи один на другого. Оба чернявые да голубоглазые. А лоб у каждого — ладонью не закроешь.

— Тут уж без обману, зотовская порода, — рассмеялся отец. Потом, вдруг вспомнив, сказал: — Да, мы ведь насчет сома не договорились. Дело в том, Сережка, что в омуте у обрыва никакого страшного сома нет. Водится рыба, как и в других местах на Самарке. Ну, возможно, встречается немного и покрупнее, потому что ей в глубине жить привольнее. А насчет сома сказка. Сказки, правда, бывают разные: есть интересные и полезные, а есть так себе, пустышки, скажем, чтоб запугать человека. Вот и про сома тоже. Выдумка.

— Значит, у обрыва можно купаться? — спросил Сергей.

— В том-то и дело, что нельзя, — возразил отец. — Только не из-за сома или другого какого там чудища. У обрыва большая глубина — это раз, а во-вторых, где-то снизу бьют сильные и холодные родники. Вода в омуте всегда такая студеная, что тело судорога схватывает. Ну, а если судорога скует руки или ноги — плохо дело. Трудно плыть. К тому же — водоворот. Чуть растерялся или из сил выбился — закружит тебя, и поминай как звали.

Словом, опасное место. Потому-то и не велят там купаться. Понял?

— Понял, — серьезно ответил Сергей, внимательно слушавший рассказ отца.

— Так что мама права, у обрыва нужно вести себя очень осторожно. Ближе к краю не подходить, может берег обрушиться. И тогда загремишь вниз. Прямо до самого дна.

— Вообще туда ходить незачем, — поспешно добавила мать. — Разве мало было несчастных случаев, когда люди тонули...

— Были такие случаи, — согласился отец. — Из-за этого и место считается запретным.

— А тебя не закружит?

— Да вот купался сколько раз, ничего. Главное, я плаваю хорошо, да и сила во мне есть. А слабосильному или кто плавает кое-как и рисковать нечего.

— Вот это верно, — согласилась мать. — Я, например, туда ни за какие коврижки не полезу.

По земляным ступенькам они спустились на песчаную отмель. На реке шумели веселые голоса, слышался чей-то громкий смех, ребячий визг. Тут был уже не один десяток купальщиков.

Первым вбежал в реку Сергей и почти тут же остановился — вода показалась настолько холодной, что у него даже перехватило дыхание.

— Скорей ныряй, в воде теплее станет! — с берега крикнул отец.

Сопровождаемый тучей брызг, он промчался мимо, затем вытянул руки вперед и ушел в воду.

Сергей тоже нырнул. И раз, и другой. И поплыл. Плавал он еще не очень ладно, но на воде уже держался. Отец похвалил:

— Из тебя хороший пловец получится. Учти и запомни — воды не надо бояться. Лежи себе в воде и равномерно руками-ногами барахтай. Только без спешки и суетни. Спокойствие и выдержка — это, брат, главное.

Заметив, что Сергей уж больно зачастил руками, отец немного поддержал его, и дело пошло на лад.

Выходить на берег не хотелось, и, если бы не мать, напомнившая, что давно уже пора завтракать, отец и Сергей долго бы еще и ныряли, и плавали, и валялись на мелком сыпучем песке под теплыми ласковыми лучами утреннего солнца.

В переулке им встретилась женщина. Она держала за руку девочку такого же примерно возраста, как и Сергей, и тоже в одних трусиках.

Увидев женщину, мать Сергея всплеснула руками и бросилась навстречу, а женщина уже бежала к ней.

— Пап, кто это? — спросил Сергей.

— Мамина подруга. Тетя Лена. Они вместе в школе учились. А муж у нее летчик. Живут они далеко отсюда, в большом городе. Она раньше жила вон в том угловом домике. Бабушка Фрося — ее мама. В прошлом году они все втроем приезжали и к нам в гости приходили. Помнишь?

Но Сергей не помнил.

— А это их дочка.

Когда они подошли к тете Лене, она, весело улыбаясь, протянула Сережкиному отцу обе руки.

— С приездом, — добродушным басом сказал он и нечаянно так крепко пожал руки тети Лены, что она вскрикнула и даже присела.

— Ну медведь, чистый медведь, — упрекнула Сережкина мать.

— Надюша, я же нечаянно, — похохатывая, оправдывался Николай Михайлович. — Уж вы меня извините, Леночка, это я на радостях так расчувствовался. От неожиданной встречи.

— Виновата, конечно, я, — смеясь и потряхивая руками, говорила тетя Лена. — Забыла, что у вас не руки, а стальные клещи.

Была тетя Лена повыше Сережкиной матери, тоже молодая и красивая. Волосы —

будто золотая копна, брови почти бесцветные, а ресницы черные, и глаза тоже. У девочки такие же золотистые волосы, и вообще она вся была похожа на маму, только нос у мамы прямой, а у девочки чуть курносый.

— Дочка, ты помнишь Сережу? — спросила тетя Лена.

— Нет, — бойко ответила девочка. — Не помню.

— И Сережка тоже забыл, — сказал Николай Михайлович.

— Все-таки год прошел. А они всего-то раз или два виделись. Зато теперь наиграются, — сказала тетя Лена.

— Надолго к нам? — спросил Николай Михайлович.

— Я скоро уеду — мы с Сашей на курорт собрались, а Танюша все лето будет гостить у бабушки... Ребятишки, вы бы поздоровались тоже да заново познакомились, — подсказала тетя Лена.

Девочка смело шагнула к Сергею и, протянув руку, звонким голосом сказала:

— Здравствуй, мальчик. Меня зовут Таня. А тебя как?

Но Сергей не ответил. И руки не подал.

Таня растерянно взглянула на мать, не зная, как ей в таком случае быть дальше.

— Ты что же это, сынок? — удивилась Сережкина мать. — Девочка подошла к тебе, поздоровалась, а ты молчишь. Так, Сереженька, нельзя.

Сергей и сам понимал, что так нельзя, но он тут не виноват, все само собой получилось. Ему почему-то стало обидно, что не он, а Таня первая подошла к нему и заговорила. И он ничего лучше не придумал, как вприпрыжку пуститься по переулку, изображая всадника.

А дома отец сказал Сергею:

— Нехорошо как-то получилось. Если обратился к тебе человек, обязательно выслушай, поговори с ним. А ты — бежать...

Сергей промолчал. Да и что можно было сказать, если отец действительно прав.

После завтрака отец и мать занялись починкой ворот.

Сергею было немного обидно. Он собирался просить отца покатавать его на велосипеде. Можно было бы съездить на станцию и посмотреть пробегающие мимо поезда, а отец взялся чинить ворота... Конечно, и ворота чинить нужно, они уже старые, совсем развалились, но все-таки обидно. Жди теперь следующего выходного!

Дело в том, что Николай Михайлович рано уходил и поздно возвращался с работы и Сергей видел отца только по воскресеньям. Зато в эти дни с утра до вечера отец с сыном не разлучались.

Николай Михайлович работал на железной дороге путевым мастером и охотно водил сына на станцию. Там они любовались паровозами, наблюдали за работой сцепщика вагонов, ходили в будку к стрелочнику, смотрели, как он передвигает кончики рельсов, чтобы направить поезд на тот или другой путь. А однажды Сергей даже прокатился на дрезине.

От нечего делать Сергей затеял во дворе возню с Шариком. Но это занятие скоро надоело ему, и он отправился на огород. От двора огород отделял невысокий плетень с легкой дощатой калиткой. Сразу же за этой калиткой начиналось царство цветов. На огороде, конечно, росли и картошка, и капуста, и огурцы, и помидоры, и множество всевозможных овощей, но росли они на небольших грядках, тогда как цветы были повсюду, даже на делянке, отведенной под картошку, между картофельными кустами цвели разноцветные маки. И весь участок скорее был похож не на огород, а на большой цветник. Тут были разных цветов тюльпаны и флоксы, яркие канны, нежный цветок вербены, неистощимые в своем цветении гладиолусы, пышные георгины и строгие астры. Цветы и цветы! Множество. Одни уже отцветали, другие были в буйном цвету, а третьи только набирали силу и цвет, готовясь показать, что они не хуже других красавцев.

Сережкина мать была большая любительница цветов. Раньше она работала на железной дороге поездным контролером и уже тогда разводила цветы, но не столько и не такие, как теперь. Когда родился Сергей, она временно ушла с работы, потому что его не на кого было оставить. У других людей есть бабушки, есть и дедушки, а у Сергея их не было, о чем

больше всего жалела его мать.

Между прочим, Сергей слышал, что у него есть не родная, а двоюродная бабушка, тетя мамы, что живет она очень далеко, где-то в лесном холодном краю, откуда родом и сама мама, и что зовут мамину тетю Манефа. Бабушка Манефа. Сергей однажды слышал разговор отца и матери о бабке Манефе. Мать как-то стала плакаться, что ей надоело отсиживаться дома и что она истосковалась по настоящему делу и уже не верит в такое счастье, когда снова пойдет на работу. Тогда отец предложил вызвать в Потоцкое бабушку Манефу, или, как он ее звал, Манефу Семеновну, и попросить пожить у них сколько сможет. Подомовничать. Но мать не согласилась, потому что у Манефы Семеновны трудный характер и человек она несговорчивый. К тому же очень богомольная, а хорошего от этого ждать нечего. Особенно для Сережки — еще, чего доброго, может ему голову затуманить. И мать занималась домашними делами.

Она не любила сидеть сложа руки, обрабатывала огород, но выращивала не столько овощи, сколько цветы. И вот развела их так много, да такие красивые, что даже приезжие из других сел приходили полюбоваться и раздобыть семян.

Вдвоем с Сергеем они целыми днями пропадали на огороде, и не потому, что там всегда находилась работа, а больше из-за красоты. Там было очень красиво, так красиво, что даже уходить не хотелось. А как интересно наблюдать за цветами! Вечером чашечка цветка только начинает раскрываться, чуть-чуть, даже нельзя еще угадать, какого он будет цвета, а утром придешь — и удивительно становится: ну как мог этот огромный цветок еще вчера уместиться в своей небольшой чашечке!

Сергею нравились тюльпаны, да не просто тюльпаны, а те, у которых лепестки белые, окантованные по краям двумя полосками — золотистой и бледно-сиреневой, а внутри, где лепестки выходят из чашечки, ярко-красные мазки, будто там тлеет, разгорается огонек.

Вот и сейчас Сергей прежде всего навестил своих любимцев.

Шарика цветы не интересовали, и, хотя он неотступно следовал за своим другом, вид у него был скучный и недовольный.

Так они вдвоем прошли весь огород до дальнего забора.

И вдруг Сергей заметил, что ворота, ведущие к обрыву, не только не заперты на вертушку, а даже неплотно притворены. Видно, утром отец ходил к реке да так и не закрыл их как следует. Отцу можно ходить к обрыву, а вот Сережке не разрешают. Боятся. Но он же не маленький и не глупый, все понимает.

Сергей в нерешительности стоял у ворот — идти или не идти? Шарик сначала обнюхал ворота, затем скользнул за изгородь. Очутившись на свободе, он зачем-то помчался вперед, потом, увидев, что Сергей не идет за ним, вернулся и стал лаять, словно упрекая своего друга в нерешительности.

Поднатужившись, Сергей отодвинул ворота и... очутился по ту сторону плетня. Прямо перед ним, в нескольких шагах, был обрыв, за ним — река, внизу у обрыва — омут. Направо и налево протянулось село, за рекой зеленая дубовая роща, дальше луг, а затем степь и степь без конца.

Зотовы жили в селе Потоцком. Это было большое село на Южном Урале. Оно на несколько километров растянулось на правом высоком берегу полноводной реки Самарки. Правда, Самарка, как и большинство степных рек, полноводной была не всегда. Весной она разливалась так, что не видно было другого берега, а летом, уже к концу июля, когда над степью полыхал нестерпимо знойный суховей, река настолько мелела, что местами вода доходила лишь до колен. Зато осенью, когда из-за туч неделями не показывалось солнце и подолгу лил нудный дождь, Самарка снова преображалась. Берега раздвигались, становились менее высокими, а левый, луговой берег отступал все дальше и дальше.

Хотя Сергею было еще совсем мало лет, он уже видел Самарку и во время весеннего разлива, и в летнюю сушь.

Сергею захотелось подойти к обрыву, чтобы взглянуть на омут — как он там? А почему не подойти? Если осторожно — совсем и не страшно.

Подошел. Реку видно, а омута нет. Заслонял край берега. Тогда Сергей лег и тихонько пополз на животе.

Было страшно, но Сергей полз. Вот и край. Внизу под собой мальчик увидел воду. Омут! Вода была темная, почти черная и казалась совсем неподвижной. Сергею под руку попала небольшая щепочка, и он осторожно бросил ее вниз. Упав в воду, щепка медленно двинулась вдоль берега, потом отделилась от него, затем снова приблизилась, начала кружить.

Тут-то и был водоворот, о котором сегодня говорил отец.

Шарик нехотя залаял.

Сергей обернулся и увидел — кого бы вы думали? — Таню. Она сразу узнала его, обрадовалась, словно старому знакомому, и вприпрыжку бросилась к нему.

— Не подходи! — строго крикнул Сергей. — Тут обрыв. В омут загремишь.

— А ты?

— Я не загремлю.

— А что ты делаешь?

— Смотрю. Палочка плавает.

Таню заинтересовали слова Сергея, и она недолго думая опустилась рядом с ним. Глянула вниз и невольно втянула голову в плечи.

— Страшно... — испуганно прошептала Таня и отодвинулась в сторону. А ты не боишься?

Сергею тоже было страшно, а от этих Таниных слов стало еще страшнее.

— Не-ет, — протянул Сергей и ползком тоже стал пятиться назад.

— Мне мама не велела ходить сюда. И бабушка Фрося тоже.

— И мне не велели, — признался Сергей.

— Бабушка Фрося говорит, тут живет страшный сом.

Таня оказалась девочкой словоохотливой. Торопясь и жестикулируя, она поведала Сергею несколько историй про разбойника-сома, услышанных от бабушки Фроси. Этот сом был ужасно злой и огромный. Он мог свободно проглотить теленка. А ловить его лучше и не пытаться — все равно не выловишь. Сидит он в омуте на самой большой глубине и смотрит — нет ли кого, чтобы схватить. Всем известно, что не так давно какой-то прохожий парнишка решил было искупаться в этом месте. Он разделся и — бултых в воду и ну плавать. А сом только этого и ждал — подкрался да как хватанет за ногу! И начисто откусил. Будто у парнишки и не было ноги. А гусей или уток, то тут и стар и мал знает, что если птица побывала на реке и не вернулась домой, значит, попала на закуску сому. Потому-то сюда и не пускают детей. И взрослые тоже почти не ходят. Им тоже нельзя здесь купаться.

— Никакого сома нету, — хмуро возразил Сергей.

Таня даже растерялась: ну как это нет, если об этом говорила бабушка Фрося! И мама тоже.

Сергей в спор не вступал.

— А ты откуда знаешь, что нету? Сам выдумал?

— Папа сказал.

— Папа?! — удивилась Таня. Такой ответ был совсем неожиданным. Если папа, то... Таня сама верила каждому слову своего отца и привыкла считать, что уж если папа сказал, то тут — чистая правда. — А что он сказал?

Сергей рассказал, что его отец собирается сегодня купаться у обрыва и что это нисколько не страшно тому, кто сильный и хорошо плавает.

— А ты умеешь плавать?

— Еще как!

— А... а искупаться здесь не боишься? — Таня кивком головы указала на омут.

Сергей хотел было сказать, что боится, но не сказал.

— И ничего тут нет страшного.

— Тогда искупайся. Ага, ага, боишься? Ну, искупайся. Бояка! Ах ты

Сережка-хвастежка!

— Я не хвастаю, — угрюмо ответил Сергей.

— Ну, прыгни. И искупайся. Вот и не прыгнешь.

... Не знала тогда Таня, что пройдет несколько лет и на этом же самом месте она будет хватать Сергея за руки и со слезами уговаривать не бросаться в омут...

— А мне папа не велит, — наконец-то нашелся Сергей. И прихвастнул: А то бы я сразу...

Они постояли какое-то мгновение молча, словно соображая, о чем же еще говорить. Сергей, набычившись, смотрел себе под ноги, а Таня на него.

— Пойдем к нам. У меня игрушки всякие есть. И книжки хорошие, предложила Таня.

Сергей отрицательно покачал головой.

— Не пойду.

Таня не стала больше уговаривать. Она запела какую-то песенку и на одной ножке запрыгала прочь. Сергей немного растерялся. Ему не хотелось, чтобы девочка так внезапно исчезла. Таня ему очень понравилась, и с ней, конечно, можно было играть. А она уже урчала, изображая рокот самолета, вертела перед собой правой рукой, будто это был пропеллер, и мчалась вдоль берега.

Сергею пришлось по душе выдумка Тани. Он тоже стал крутить рукой и, басовито урча, побежал за Таней, догнал и сделал несколько кругов вокруг нее.

— Тебя папа катал на самолете? — спросил он.

— Нет. Он военный летчик. На тех самолетах детей не катают.

— А меня папа катал на дрезине! — гордо сообщил Сергей.

Когда же обнаружилось, что Таня не имеет ни малейшего представления об этой чудесной машине, он не только рассказал, но и пообещал, что как-нибудь в выходной они с папой пойдут на станцию, захватят Таню с собой и тоже прокатят на дрезине.

— Может, твой папа еще и не согласится? — неуверенно спросила Таня.

— Согласится, — заверил Сергей. — Вот пойдем к нам и спросим.

— Пойдем, — охотно согласилась Таня.

Она взяла Сергея за руку, и они дружно побежали. Ни на шаг не отходивший от них Шарик сразу же догадался, куда направляются новые друзья, обогнал их и первым проскользнул в ворота.

Увидев множество цветов, Таня захлопала в ладоши и даже захлебнулась от восторга. Она перебежала от куста к кусту, склонялась над одним цветком, потом бросалась к другому, чуть прижмурив глаза, жадно вдыхала их запах. Она совсем не разбиралась в цветах, даже не знала, какой из них как называется, и засыпала Сергея вопросами, а он многое знал и рассказывал ей все-все.

Они настолько заигрались в огороде, что даже позабыли про дрезину, не заметили, как ушел заскучавший Шарик и крепко заснул в тени громадного куста мальвы. Играли они весь день, и Таня ушла домой только перед вечером.

Так у Тани и Сергея началась дружба, которая длилась много лет.

На другое утро Таня прибежала к Зотовым, когда Сергей еще спал, что несколько не смутило девочку, и принялась будить его. Увидев перед собой подружку, Сергей решительно соскочил с постели. Сон прошел.

— Ты делаешь зарядку? — потягиваясь и протирая глаза, спросил он.

— Нет, — ответила Таня. — Папа делает. Ему обязательно надо.

— И мой тоже. Он с гантелями упражняется, — похвалился Сергей.

... Дни пошли за днями. Сергей и Таня почти не разлучались.

ОДНИ

Как-то в выходной день за завтраком отец рассказал, что на его участке начинаются большие работы по ремонту пути. На днях приезжала техническая комиссия и предложила

закончить ремонт к началу уборочной, когда пойдут многочисленные составы с новым зерном.

— Разве успеете? — удивилась мать. — Времени-то до уборочной всего ничего остается.

— Придется поднажать. Будем работать круглосуточно.

— Как? Совсем без отдыха?

— Ну, не совсем. График составим, кому спать, кому работать. Если поднажмем, недельки за две на своем участке справимся. Зато потом сразу в отпуск. Ну, чего ты, Надюша, вздыхаешь? Надо — значит, надо. Дело государственное.

— Да я все понимаю, — отозвалась мать. — Не маленькая. Значит, на несколько дней уедешь?

— Пожалуй, раньше будущего выходного домой не выберусь.

— А как же с обедами? — допрашивала мать.

— Не волнуйся, Надюша. Мы все там рыбаки подобрались, и вообще народ бывалый. Таковую уху сварганим — хозяйки позавидуют.

— Я через день буду привозить тебе чего-нибудь свеженького.

— И ни-ни! — возмутился отец. — Смотри не вздумай.

— Николай! — Лицо матери стало строгим и решительным. — Знаю, какой ты падкий до работы. А на голодный желудок много не наработаешь. Лучше и не возражай.

— Так больше же тридцати километров!

— На рыбалку еще дальше ездили, и ничего. На велосипеде быстро.

Отец безнадежно махнул рукой.

Он уехал в тот же вечер. А через день мать встала пораньше, напекла пирогов, наварила кастрюлю баранины с картошкой, хорошенько все увязала и прикрепила к багажнику велосипеда. Затем завела Сергея к бабушке Фросе, попросила присмотреть за ним до вечера. Ловко вскочив в седло, она помахала Сергеем рукой и покатила.

Вечером мать не вернулась. Сергей долго ждал ее, но так и заснул, не дождавшись.

На следующее утро, едва проснувшись, он спросил, не приходила ли мама. Оказалось — не приходила.

Бабушка Фрося успокоила мальчика, говоря, что мать, видно, решила заночевать на ремонтном стане и теперь с часу на час подъедет.

Днем забежала соседка. Она вызвала бабушку Фросю в коридор и там о чем-то долго шепталась с ней. А когда соседка ушла, бабушка Фрося вернулась с заплаканными глазами. Но ни Сергей, ни Таня этого не заметили.

На третий день Сергей затосковал. Попросился домой. Бабушка Фрося сразу же согласилась, взяла обоих ребят за руки, и они отправились в дом к Сергею. Шарик с радостным лаем мчался впереди. Изба была закрыта, а у дверной ручки привязана веревочка, чтобы посторонний человек, если невзначай завернет во двор, знал: хозяев нет дома и входить в избу нельзя. Такой был в Потоцком порядок. Сергей видел, как перед своим уходом мать привязывала эту веревочку. И она все еще висит... Значит, мать не возвращалась.

Увидев в цветочных лунках сырую землю, Сергей обрадовался и сказал об этом Тане и бабушке Фросе. Выходит, все-таки мама приезжала? А кто же, кроме нее, мог поливать в их огороде цветы? Бабушка Фрося не стала разубеждать мальчика, хотя она-то лучше других знала, кто именно сегодня ранним утром хозяйничал у Зотовых на огороде в то время, когда и Сергей и Таня еще крепко спали.

Прошел и этот день.

На четвертый, перед вечером, приехал отец. Николай Михайлович был не похож на себя: лицо покрыто черной щетиной, щеки осунулись, глаза ввалились...

— Ну, как ты тут, сын? — Голос Николая Михайловича звучал глухо.

Сергей кинулся к нему и крепко обхватил отца за шею.

— Жив-здоров? — через силу улыбнувшись, спросил отец.

— А как же, здоров! — весело отозвался мальчик.

— Пойдем, сынок, домой. Спасибо, бабушка Фрося, за вашу заботу.

— Не за что. Может, еще в чем понуждаетесь, так вы уж безо всяких или идите ко мне, или зовите... Беда-то какая...

Сергею показалось, что бабушка Фрося говорит каким-то чужим голосом. Обернувшись, он увидел, что старуха вытирает фартуком глаза.

Отец ничего не ответил на слова бабушки Фроси и, круто повернувшись, с сыном на руках пошел со двора.

— Ремонт уже закончили? — полюбопытствовал Сергей.

— Нет еще, — нехотя ответил отец.

Сергей соскользнул на землю и наперегонки с Шариком помчался по улице.

— Сережка, подожди! — окликнул отец.

— А я к маме.

— Ее там нет, — глядя куда-то в сторону, сказал отец.

Сергей остановился:

— А где она?

Отец не торопился с ответом:

— Она, брат, уехала...

Голос отца печальный, а взгляд грустный и задумчивый.

Ошеломленный Сергей даже не нашелся что сказать.

— Мама уехала далеко. К родственникам. И надолго. Так что мы, брат, остались с тобой одни. Вот такая петрушка. Понял?

— Понял, — чуть слышно ответил Сергей, ничего не понимая.

Они молча зашагали дальше.

В сенях стоял только один велосипед. Мужской.

Отец взялся готовить ужин. Сергей стал помогать.

— А на чем мама уехала? — вдруг спросил Сергей.

— На чем? Поездом.

— А велосипед с собой взяла?

— Нет, зачем же.

— В сенях нет его. Только твой.

— Да, да. Правильно. Мамин там, в бригаде остался.

Сергей начал рассказывать, как ему жилось эти дни у бабушки Фроси.

Казалось, отец слушает, и даже внимательно, но слышит почему-то не все. А на некоторые вопросы Сергея отвечает просто невпопад. Почему бы это? Может, он нервничает из-за того, что мама уехала? Конечно, лучше бы не уезжала, сидели бы все вместе и ужинали, а то ее нет. Но она ведь придет. Сергей не раз слышал, как мать говорила отцу, что соскучилась по своей родине и обязательно съездит туда. Вот, значит, собралась и поехала.

— Будем спать ложиться? — предложил отец.

— Можно и спать, — согласился Сергей. Едва его голова коснулась подушки, он сразу же уснул.

Обычно он никогда ночью не просыпался, и мать даже хвалила его за это. А вот теперь почему-то проснулся. Совсем неожиданно.

Он обвел глазами комнату...

Привернутая лампа сеяла слабый желтоватый свет, по углам сгустились тени. Подперев голову ладонями, у стола сидел отец. Сергею было хорошо его видно, потому что на лицо Николая Михайловича падал из-под абажура свет. Сергей хотел было окликнуть, но то, что он увидел, так удивило и поразило его, что он не проронил ни звука. Отец сидел с закрытыми глазами, крепко закусив нижнюю губу, а по небритым его щекам текли слезы... Да, да, слезы! Такого Сергей никогда не видел, и не только не видел, он даже подумать не мог, чтобы его отец, такой смелый, большой и сильный, — и вдруг слезы. Он всегда Сергею

твердил, что настоящий мужчина не должен плакать, что хлюпанье есть признак слабости характера. И вдруг такое... Сергей весь сжался. Сам не зная почему, он понял, что случилась какая-то ужасная беда.

— Пап! — тихонько позвал он.

Отец не спеша, будто соображая, где он и что с ним, оторвал от ладоней голову.

— Чего не спишь? — также шепотом спросил он.

— А ты?

— Да вот немного засиделся.

Отец незаметно смахнул рукой слезы.

— Сам говорил — нехорошо, и сам плачешь, — прошептал Сергей, тоже готовый разреветься.

— Я, брат, не плачу. Просто задумался и не заметил... Бывает иногда такое в жизни. Давай спать.

— Я с тобой лягу?

— А в чем дело? Переходи. Вот только постелю.

Отец разобрал свою постель, и довольный Сергей перекочевал туда, забравшись к стеночке. Когда лег и отец, Сергей весь прижался к нему, удобно устроив голову на могучей отцовской руке.

— Как же нам, Сережка, завтра быть? Мне утром обязательно нужно на работу. Пойдешь опять к Тане?

— Пойду, — охотно согласился мальчик.

— Надо, брат, ничего не поделаешь. А вечером я приду за тобой. Таня-то ведь хорошая девочка?

— Хорошая, — согласился Сергей.

Отец привлек к себе сына, пошарил рукой — не раздет ли тот.

— А когда мама придет? — спросил Сергей.

— Долго не придет, — помолчав, проговорил отец.

Сергей чувствовал, что от него что-то скрывают.

КАК БЫТЬ ДАЛЬШЕ?

В этот день Николай Михайлович в поселок вернулся поздно, когда уже совсем стемнело. Не заходя домой, он направился к бабушке Фросе за Сергеем, но там мальчика уже не было. Не было также ни бабушки, ни Тани.

«Видно, пошли к нам, — решил Николай Михайлович и заспешил домой. Но почему они не дождались меня?»

У калитки его встретил веселым лаем Шарик.

На завалинке сидела бабушка Фрося, рядом, положив ей на колени голову, — Таня. Она спала. Сергей сидел на ступеньке крылечка, привалившись к перилам. Увидев отца, он сорвался с места и бросился навстречу.

— А я к вам заходил. Только смотрю — никого нет.

— Сбежал Сережка, — пожаловалась бабушка Фрося.

— Как сбежал? — удивился Николай Михайлович.

— Или обиделся, или что-нибудь другое — сама не пойму. Весь день играли с Танюшкой. Поужинали тоже. Потом гляжу — ни с того ни с сего насупился. Спрашиваю: чего, мол, ты, Сережка? Молчит. Я к Танюшке, она тоже знать ничего не знает. А он кликнул Шарика и ушел. Мы за ним. Так вот и сидим весь вечер.

— Ты что же это, сын, а? (Сергей молчал.) Вы уж не сердитесь на нас, бабушка Фрося.

— Чего тут сердиться... С детишками всякое бывает. Завтра сам приведешь или прийти за ним?

— Я опять рано уеду. Если не очень затруднит, приходите. Я даже не знаю, как быть дальше.

— Да вы не беспокойтесь. Пускай пока живет у нас. Парнишка он хороший и не озорной, смысленый. Да и с Танюшкой подружились, прямо водой не разольешь. Насчет поливки тоже не сомневайтесь. У нас в этом году поливать нечего, так что я в охоточку на вашем огороде буду справляться.

Бабушка Фрося и Таня ушли.

Когда уже легли спать, Сергей вдруг сказал:

— Я больше не пойду к бабушке Фросе.

— Это почему же? — удивился отец.

— Не пойду.

— Ну, знаешь, Сережка, это, брат, не мужской разговор. У нас с тобой просто другого выхода нет. Не одному же тебе весь день дома сидеть. А у меня работа. Сам знаешь: надо.

— А я не пойду. И не пойду, — упрямо и настойчиво стал твердить Сергей.

Такого за ним отец никогда еще не замечал. Всегда был послушный мальчишка, и вдруг — пожалуйста... Это неспроста. Но что же все-таки случилось? Не каприз же...

— Сережка, ты хоть скажи: почему так решил?

— Она сказала... — прерывистым голосом заговорил Сергей, — она сказала... что моя мама... никогда больше не придет. Это неправда? Придет? Да, пап, придет? А она говорит, что мама умерла...

Сергей расплакался и говорил захлебываясь.

— Бабушка Фрося тебе так сказала?

— Нет, к ней тетенька одна... приходила. И я слышал.

Николай Михайлович помолчал, собираясь с силами. Следовало сказать мальчишке правду. Все равно того, что случилось, не скрыть, да и не к чему скрывать.

— Ты вот что, Сергей, плакать не надо, а лучше серьезно выслушай меня. Если тебе не хочется идти завтра к бабушке Фросе, то не ходи. Я возьму тебя с собой. На работу. Захочешь — помогать будешь, а устанешь рядом лесопосадка. Там хорошо, трава густая, зеленая. А птиц сколько! И Самарка близко. Утром на дрезине поедem.

— А вечером домой?

— Там видно будет. Может, и домой. Ну как, согласен?

— Конечно, согласен, — оживился Сергей.

— Только утром пораньше разбужу.

— Буди. Я сразу проснусь.

— А на бабушку Фросю и на тетеньку, которая к ней приходила, не надо обижаться, сынок. Они правду сказали. Умерла мама. Я не хотел тебе сразу говорить. Когда ехала ко мне, на шоссе в аварию попала. Вот и... Вот так, брат... И ничего не поделаешь. Была и нет... Ну, давай спать, Сережка. Ночи теперь короткие, а вставать рано. Спи, сынок. — И пригрозил: — А то утром стану будить, не проснешься — один уеду.

— Я проснусь.

Сергей плотнее прижался к отцу и закрыл глаза. Но заснуть не мог.

В прошлом году у соседей Зотовых умер старик, и Сергей уже знал, что это такое, знал, что умерший человек никогда больше не вернется домой. Никогда не придет и мама. Никогда! Сергею не верилось. А что, если все это ему снится? Проснется он утром, а мама — вот она.

Рядом тихо лежал отец. Но если бы мальчик заглянул ему в лицо, то увидел бы, что глаза отца широко открыты и смотрят куда-то вдаль, видят то, чего не видит никто другой. Вдруг отец вздохнул. Это получилось у него совсем неожиданно, и он не успел задержать, подавить вздоха, сделать его совсем неслышным.

«Значит, папа тоже не спит?»

— Пап! — окликнул Сергей, да так тихонько, что даже сам еле-еле расслышал.

— Опять не спишь?

— Нет, — виновато протянул Сергей.

— Да, брат, вот и я тоже...

— Маму жалко.

Отец опять вздохнул, глубоко и протяжно.

— Теперь уж не вернешь... Ничем не поможешь. Если бы только можно было...

НЕЖДАННАЯ ГОСТЬЯ

Сергею все понравилось в путевой ремонтной бригаде: и парусиновая палатка с небольшими слюдяными оконцами, и густые со сплетенными вверху ветвями деревья лесозащитной полосы, и часто проходившие поезда, то пассажирские, всего с несколькими зелеными вагонами, то красные «товарняки», длинные-предлинные.

Когда проходил мимо пассажирский, из окон всегда выглядывали люди и Сергей старательно махал им руками, желая счастливого пути. Пассажиры дружелюбно улыбались и тоже махали в ответ.

Приветствовать путников научил Сергея самый молодой ремонтник, Петька Бугров. Он работал в бригаде вместе со своим отцом, молчаливым и строгим человеком. Сам же Петька, еще почти мальчишка, был весельчак и непоседа, песенник и плясун. Сергей привязался к нему с первого же дня. И Петька полюбил Сергея. Сам Петька никогда ни минуты не сидел без дела и сразу же нашел работу своему маленькому приятелю. Сергею поручили подбирать на путях крупную гальку и «для красоты» выкладывать из нее на обочинах пути пятиконечные звезды. Будут ехать мимо люди, увидят в окошко стройные звездочки — останутся довольны, да еще похвалят того, кто так постарался. У Сергея сначала почти ничего не получалось, звездочки выходили какие-то жалкие, кособокие. Какая уж там красота! Петька неумолимо разрушал их и снова показывал, какими они должны быть и как их нужно строить. И у Сергея дело пошло на лад. Потом Петька стал давать своему ученику задание — за смену выложить столько-то звезд. А как же, вся бригада имеет дневной план, почему же Сережка должен работать спустя рукава? И Сергей старался. Выложил он несколько звезд по Петькиным рисункам, а потом наловчился сам. Да еще как! Получалось несколько не хуже, чем по Петькиному чертежу. Вот если бы здесь была Таня, пускай бы посмотрела на Сережкину работу. Она-то, пожалуй, и не умеет так.

Любил Сергей наблюдать за работой ремонтников. Они подбивали грунт, меняли шпалы, а в некоторых местах — и стальные рельсы. Поезда сильно мешали в работе, но остановить движение было нельзя. Когда приближался поезд, ремонтники отходили в сторону, кто садился, а кто вытягивался на траве — отдыхали, пользуясь коротеньким перерывом. Глянуть на них в это время со стороны — покажутся спокойными и безразличными людьми, которым ни до чего и дела нет, но стоит только проскочить поезду — их не узнать. Без какой бы то ни было команды (да ее вообще никто и не подавал) все словно наперегонки устремлялись на железнодорожное полотно, и первым среди них Николай Михайлович. Смотришь и не поймешь — зачем и что каждый делает, а пройдет немного времени, ну, может, всего несколько минут, а старую шпалу уже вытаскивают из-под рельсов и отволакивают в сторону, а на ее место ложится новая, просмоленная шпала, под ней подбивают и трамбуют грунт, кто-то уже вгоняет тяжелые железные костыли, которые накрепко прихватывают рельс к шпале и делают его неподвижным. Несись, поезд, на всех парах, аварии здесь не может быть.

Незаметно прошла неделя. Главные ремонтные работы на участке были закончены, и в субботу вечером вся бригада на дрезине укатила в Потоцкое. Дрезина мчалась так быстро, что у Сергея даже дух захватывало. И он опять пожалел, что с ним нет Тани. Пускай бы тоже прокатилась. Шарик вон катается. Только он глупый — спит себе, ему хоть бы что.

Домой Зотовы добрались в сумерках.

Шарик обогнал хозяев и, не дожидаясь, пока они подойдут и откроют калитку, нырнул в подворотню. Почти тут же послышался его злой лай. Так он лаял только на чужих, незнакомых людей. На кого бы это?

В окнах зотовской избы горел свет, входная дверь была открыта, а на крыльечке стояла

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете прочитать в
ГБУК «Оренбургская областная
полиэтническая детская библиотека»
по адресу: ул.Терешковой 25;
тел. для справок: (3532) 77-51-01